

**ФРАЗЕОАЛЛЮЗИИ КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ
ПРОСТРАНСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Н. ГУМИЛЕВА)**

Куманок Ольга Валентиновна

(Старый Оскол, Россия)

Носителем информации, средством ее накопления, хранения и передачи, а также, по мнению Ю.М. Лотмана, «генератором» дополнительных смыслов является текст. Связь текста и времени носит опосредованный характер, поскольку данное явление существует во времени-пространстве культуры в оболочке материального объекта [Дымарский 2006: 39-40].

Известно, что «смысл художественного произведения частично может формироваться посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в предшествующей литературе» [Цит. по: Чумак-Жунь 2003: 13]. Ключом к подтекстовой информации, содержащейся в художественном тексте, часто являются интертекстуальные связи, воплощенные в аллюзиях, цитатах, эпитафиях, прецедентных текстах и т.д. Причем, такие интертекстуальные связи можно наблюдать и на фразеологическом уровне.

Поэтический текст позволяет наиболее отчетливо определить те приращения смысла, которые возникают в его семантическом пространстве под влиянием «чужого» текста. В качестве текстов-источников как материала для творческого переосмысления, согласно классификации Е.А. Козицкой, могут выступать конкретные произведения, творчество какого-либо автора, тексты, обладающие «исторической общезначимостью», национальная культура, иноязычная культура, а также невербальные тексты. Новый текст, основанный на другом тексте, дополняет предыдущий, избирательно выдвигает на первый план отдельные актуальные смыслы, трансформирует их, исходя из художественного замысла автора.

Многоплановость поэтического текста предполагает разные подходы к

его определению и исследованию: лингвистический, коммуникативный, психолингвистический. Учитывая данные всех трёх направлений в изучении текста вообще, Н. С. Болотнова определяет его как «коммуникативно ориентированный, концептуально обусловленный продукт реализации языковой системы в рамках определенной сферы общения, имеющий информативно-смысловую и прагматическую сущность» [Болотнова 1992: 22], что крайне важно для понимания поэтической фраземики поэтического текста.

В связи с этим представляется возможным определить поэтический текст как образное, в том числе и фразеологическое, воплощение поэтической картины мира, моделируемой в языковом сознании языковой личности (поэта или читателя). Исходя из этого, поэтический текст можно назвать источником проявления поэтической фраземики своей спецификой.

Проблема функционирования фразем в поэтическом тексте является достаточно многоаспектной и предполагает изучение специфики употребления фразем в поэтическом тексте как коммуникативно-мыслительной среды возникновения и функционирования фразеологических образований, вербализующих соответствующие поэтические образы.

В рамках поэтического текста употребление тех или иных языковых средств, с одной стороны, подчинено выражению определенного замысла автора, а с другой, зависит от ритмической организации лирического произведения. В связи с этим сложные по составу единицы (фраземы) приобретают довольно интересные для адресата формальные и содержательные «очертания». В поэтических произведениях Н. Гумилева имеют место примеры фразеологических аллюзий, т.е. творчески переосмысленных фразеологизмов, ассоциативно связанных с фраземами-прототипами.

В текстах Н. Гумилёва наблюдается ряд таких фразеологических аллюзий, посредством разного рода контекстуальных «намёков» отсылающих читателя к тому или иному прототипическому выражению. Например, фраза «целительный предложится бальзам» связан с фраземой «как бальзам на душу»,

выражение «ты дала неволю слаще воли» отсылает читателя к фразеологизму «охота пуще неволи», а фраза «не меркнет лебединый день» ассоциируется с фразеологической единицей «лебединая песня».

Примером подобного употребления может служить и отрывок из стихотворения Н.Гумилева «Алжир и Тунис»: Но на север и ныне / Юг **оскалил клыки.** / Все ползут из пустыни / Рыжей стаей пески. / Вместо хижин – могилы, / Вместо озера – рвы... (Н. Гумилев «Алжир и Тунис»). Приведенное выражение не отражено в словаре как фразема, однако, очевидно, что оно ассоциативно связано с фразеологизмом «показать зубы (когти)», по модели которого оно построено. Исходная фразема имеет следующее значение: «проявлять по отношению к кому-либо враждебность, нетерпимость, обнаруживать готовность дать отпор кому-либо, вести себя жёстко и агрессивно» [БФСРЯ 2006: 550]. Значение данной фраземы предполагает, что кто-либо демонстрирует готовность защищать себя или свои интересы. В основе образа данного фразеологизма лежит зооморфная метафора, уподобляющая действия человека поведению животного и основывающаяся на обиходно-бытовых наблюдениях, согласно которым многие животные, чувствуя угрозу, предупреждают о готовности к самозащите, демонстрируя когти или зубы [БФСРЯ 2006: 550].

Однако если узуальное употребление этой фраземы подразумевает то, что такая потенциальная агрессия проявляется по отношению к представителю социума, то новое выражение служит для характеристики явления неживой природы, а именно наступления песков из пустыни. Поэтому в нем, вероятнее всего, актуализирована сема «угроза», а не «нетерпимость» или «враждебность».

В ряде случаев «расфразеологизация» фраземы может сопровождаться изменением её компонентного состава и синтаксического статуса. Например, в стихотворении Н.Гумилева «Наступление» наблюдается употребление выражения, связанного с фразеологизмом «не хлебом единым жив человек»: Та

страна, что могла быть раем, / Стала логовищем огня, / Мы четвертый день наступаем, / Мы не ели четыре дня. / Но не надо яства земного / В этот страшный и светлый час, / Оттого, что **Господне слово / Лучше хлеба питает нас** (Н. Гумилев «Наступление»). Значение фраземы библейского происхождения обобщенное. Оно сводится к следующему: «человек должен заботиться об удовлетворении не только материальных, но и духовных потребностей» [Бирих 2005: 603]. Авторская интерпретация данного фразеологизма помогает читателю провести параллель с прецедентным текстом библейского происхождения. Источником являются слова Иисуса Христа «Не о хлебе едином жив будет человек, но о всяцем глаголе Божии» [Ев.: Лк: 4,4]. В приводимом поэтическом контексте фразема с обобщенным значением конкретизируется, и посредством такого приёма автор подчеркивает, что для воинов, от лица которых он говорит, духовное оказывается важнее материального. Такой смысл поддерживается в контексте лексемами «лучше», «питает».

Ассоциативная связь исходных фразем и окказионального их выражения в контексте объясняются тем, что поэтический текст от прозаического отличают, во-первых, его личностность, предполагающая стремление посредством предельно сжатой поэтической фраземы «заставить» читателя не просто воспринимать, но сочувствовать, сопереживать, задумываться над поднятыми автором проблемами. Во-вторых, поэтическую речь отличает особый выбор языковых средств и их соположение с другими знаковыми единицами поэтического контекста, а также упорядочение сильных и слабых слогов (ритм) и рифма.

С нашей точки зрения, приведенные свойства являются определяющими, только с учетом которых и формируется поэтическое произведение. Именно эти факторы предопределяют выбор семантических, грамматических и синтаксических свойств фраземики в поэтической речи.

Таким образом, в поэтическом тексте несомненна зависимость употребления фразем, с одной стороны, от художественного замысла, а, с другой, от особого формального построения поэтического текста. Поэтому мы можем предположить, что фраземы в поэтическом тексте приобретают смысловые и формальные вариации, «приспосабливаясь» к специфике поэтического текста, и это обстоятельство определяет возникновение фразеоаллюзий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирих, А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. Словарный каб. Им. Б.А. Ларина; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926, [2] с.
2. Болотнова, Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1992. – 312 с.
3. БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий/ авт. сост. И.С. Брилева [и др.]: отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
4. Гумилёв, Н. Сочинения. В 3 т. Т. I. Стихотворения; Поэмы / Н. Гумилёв / Вступ. ст., сост., примеч. М. Богомолова. – М.: Худож. лит., 1991. – 590 с.
5. Дымарский, М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: На материале русской прозы XIX-XX вв / М.Я. Дымарский. Изд. 3-е, испр. – М.: КомКнига, 2006. – 296 с.
6. Жирмунский, В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1997. – 407 с.
7. Чумак-Жунь, И.И. Художественный текст как феномен культуры: интертекстуальность и поэзия. Монография / И.И. Чумак-Жунь. – Белгород, 2003. – 201 с.